

# РАЗДЕЛ II. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

---

УДК 340.1

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-89-99

## К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**Васильев С. В.**

*Псковский государственный университет*

*180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2, Российская Федерация*

**Аннотация.** В данной работе обосновывается актуальность задачи совершенствования правового пространства на основе разграничения права и закона как важного элемента справедливой регламентации общественных отношений и эффективного инструмента социальной интеграции общественного организма с учётом разнообразных интересов. Автором озвучивается проблема отсутствия решительных шагов по «материализации» права в правовом пространстве России, приводятся аргументы, подтверждающие эту точку зрения. Критически оценивается попытка корректировки либерально-индивидуалистического подхода к правопониманию идеями солидаризма. Отмечаются недостатки солидаристского подхода, позволяющего в условиях «слабой выраженности» некоторых интересов, спровоцированной солидарным поглощением, перекладывать бремя ответственности на менее защищённых (личность, гражданское общество), что не способствует интеграции российского общества, усиливая социальную поляризацию в нём. Приветствуется либерально-индивидуалистический подход к правопониманию (доминирующий в сегодняшней мировой теории и практике), демонстрирующий нацеленность на формирование достойных правовых инструментов выражения и защиты особенных интересов, внедрение конкурентных состязательных начал в их взаимодействие, не позволяющих одним государственным интересам игнорировать интересы личности и гражданского общества.

**Ключевые слова:** солидаризм в праве, либерально-индивидуалистический подход, «материализация» права, ответственное поведение, специфические интересы, государство, личность, гражданское общество

## TOWARDS LAW UNDERSTANDING IN MODERN RUSSIA

**S. Vasilyev**

*Pskov State University*

*2, Lenin square, Pskov, 180000, Russian Federation*

**Abstract.** The article substantiates the urgency of the task of improving the legal space on the basis of the separation of law and legislative acts as important elements of fair regulation of social relations and effective tools for social integration, taking into account a variety of interests. The author expresses a concern about the lack of decisive steps to “materialize” the law in the legal space of Russia, and provides arguments confirming this point of view. An attempt to correct the liberal-individualistic approach to legal understanding with the ideas of solidarism is critically examined. The article points out the shortcomings of the solidarity approach allowing to shift the burden of responsibility to the less protected (individuals or civil society) in case of «insufficient expression» of some interests provoked by a joint absorption, which does not contribute to the integration of the Russian society, increasing social polarization in it. The author favours liberal-individualistic approach to legal understanding (dominating in today’s world theory and practice) with its focus on the formation of truly legal instruments for expression and protection of special interests, introduction of competitive principles preventing state interests from dominating over the interests of individuals and civil society.

**Keywords:** solidarism in law, liberal-individualistic approach, “materialization” of law, responsible behavior, specific interests, state, personality, civil society

Вряд ли приходится сомневаться, что право – один из главных инструментов социальной интеграции, вырабатанный человечеством<sup>1</sup>.

В современных сложных условиях развитие понимания права просто необходимо: нужна активная дискуссия по ключевым его проблемам и понятиям. Серьёзным препятствием для совершенствования правопонимания в нашей стране является *отождествление (смешение) права и закона*, тотальная подмена первого вторым. Например, как считает В. Крусс, «повсеместно в юридической аргументации и топике игнорируется синонимическое использование понятий «право» и «закон», а равно и широкого спектра их производных» [5, с. 7–14].

По нашему мнению, опасность ситуации в том, что в достаточной мере не обеспечивается «конкурентное влияние» интересов других субъектов (личности, гражданского общества) на государство, воля которого, выраженная в законе, становится монопольной, обязательной для всех иных, реально не подлежащей ограничению. Отграничение же права от закона, как воли государства, создаёт предпосылки такого пространства, в котором эта воля не бесконечна, утрачивает элемент произвольности, поскольку есть «право», способное сдерживать закон некоторыми рамками *в иных интересах*, например, личности или гражданского общества.

По мнению А. Лубского, «патерналистско-этатистский тип взаимоотношений исходит из отождествления человека, общества и государства...

<sup>1</sup> Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 9 октября 2018 года.

Статус гражданина, его права и свободы устанавливаются государством и рассматриваются как *вторичные* по отношению к государственным интересам. [...] Государство в данном типе взаимоотношений ориентировано на принятие решений единолично или коллегиально, пренебрегая правовыми предписаниями, не расшифровывая принятые решения или делая это исключительно формально, а главное – без учёта мнения человека» [7, с. 90].

М. Залоило и О. Черкашина-Шмидт отмечают, что «в России длительное время господствовал и продолжает доминировать позитивистский тип правовопонимания, который существенно ограничивает российское право лишь нормативными правовыми актами. Такой подход не позволяет вырабатывать необходимые и достаточные ответы на многочисленные вопросы, возникающие в процессах правотворчества и правореализации» [2, с. 143–147].

Поэтому и формирование правового пространства, в котором *есть право, не тождественное закону*, является важным элементом справедливой регламентации современных общественных отношений, эффективным инструментом социальной интеграции в направлении развития общественного организма *с учётом разнообразных интересов*. Перед нами встаёт очевидная и разноплановая задача: определиться с тем, есть ли у нас «право»; если есть, то, что может претендовать на эту роль в «материальном» смысле; как «право» будет совершенствоваться и развиваться, не утрачивая своих высоких регламентационных качеств по отношению к закону как воле государства.

При попытках идентификации «права» в нашей стране на ум пер-

вым приходят *правовые позиции* Конституционного Суда. По мнению А. Ливеровского, «исходя из совокупности конституционных аксиом (принципов), Конституционный Суд РФ строит правовое пространство правовых позиций, *то самое право*, верховенство которого необходимо для конституционализации законодательного пространства» [6, с. 7–9].

Можно согласиться, что право и есть некая система основополагающих принципов-аксиом, в основе которых лежат представления о справедливости. Они постепенно нарабатываются как целое, укрепляются всё более очевидными взаимосвязями между собою и их (что архиважно!) *нельзя нарушать ни при каких условиях*. Если общество способно обеспечить такую «внутреннюю договорённость» государства, личности, гражданского общества (нужна соответствующая политическая воля государства как *сильнейшей* стороны этих отношений), то это будет решительный шаг вперёд: и в развитии нашего правовопонимания, и в создании реальных инструментов социальной интеграции на новых и весьма перспективных принципах *дружественной конкуренции различных интересов*.

Вместе с тем, нельзя в полной мере принять оптимизм А. Ливеровского относительно оценки правового пространства правовых позиций Конституционного Суда как *«того самого права»*. Здесь необходимо вспомнить Постановление Конституционного Суда № 13-П, в котором указано, что «правовые позиции, сформулированные КС РФ могут уточняться либо изменяться, с тем чтобы адекватно выявить смысл тех

или иных конституционных норм, их букву и дух, с учётом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования»<sup>2</sup>.

Можно согласиться с особым мнением судьи Конституционного суда РФ А. Кононова, где вышеуказанная мотивировка охарактеризована как «совершенно невообразимый вывод о том, что изменение законодательного регулирования способно, оказывается, изменять смысл тех или иных конституционных норм и даже их букву и дух. Аргументация Конституционного Суда, если это можно назвать так, полностью меняет общепринятые представления о верховенстве Конституции, её соотношении с законодательством, пределах её толкования и собственных правовых позициях Конституционного Суда, которые свободно могут меняться «в духе времени». С этой точки зрения, конечно, можно оправдать всё, что угодно, но это будет за пределами права» [9]. Произошедшее явилось своеобразным «переворотом» в общепринятых представлениях о Конституции, *о праве*, но, к сожалению, со знаком минус.

Предположим, что понимание необходимости разграничения права и закона у нас есть, но конкретные проявления этого процесса в некотором смысле оставляют желать лучшего, а

правовые позиции Конституционного Суда, которые *свободно могут меняться «в духе времени»*, рискуют оказаться *за пределами права*. Приходится констатировать, что данный барьер на пути становления права в нашей стране так и остался не преодоленным. Право *не смогло одолеть* закон, не определило для него действенные рамки. Решительного шага в направлении формирования правового пространства так и не было сделано.

Другим возможным претендентом на роль «того самого права» являются общепризнанные принципы и нормы международного права, успешное действие которых надлежит обеспечить различного рода наднациональным международным органам, например, ЕСПЧ. Перед нами плод, результат вековых мировых опытов, лучшие и наиболее выверенные, ценные для общества правовые демократические стандарты, весьма совершенные правила разумного и справедливого общежития, сотворённые человечеством. Это та *последняя инстанция*, к которой обращаются, не обнаружив удовлетворительного решения со стороны собственного государства с его национальным законодательством.

Очевидно, что и здесь с «материализацией» права для российских граждан в последнее время возникли сложности. Имеется в виду нашумевшее Постановление Конституционного Суда РФ № 21-П<sup>3</sup>. И, несмотря на мнe-

<sup>2</sup> Постановление Конституционного Суда от 21 декабря 2005 года № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан» // Российская газета. 29 декабря 2005 г.

<sup>3</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пп. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О междуна-

ние некоторых авторов, что «интрига [...] состоит не в самой возможности неисполнения основанных на Конвенции решений ЕСПЧ, а в том, в чём может усматриваться противоречие с Конституцией» [10], можно сказать: Конституционный Суд РФ сделал вывод *о возможности отказа* от исполнения решений ЕСПЧ, хотя связал такую с исключительным обстоятельством – наличием противоречия между Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и Конституцией России.

Усматривается некоторая взаимосвязь, несколько отдаляющая нас от «того самого права». Если правовые позиции Конституционного Суда свободно могут меняться «в духе времени», демонстрируя иногда «резинный» характер, то составит ли реальную сложность для этого органа обнаружить в Конституции РФ противоречие с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, когда текущий политический момент требует этого? Вопрос, как нам кажется, риторический. Опять приходится с сожалением констатировать некоторое снижение «правовой» планки в нашей стране.

Есть и иные сложности разграничения права и закона, что надлежит учесть в этом процессе. По мнению А. Корнева, «попытки обосновать аль-

---

родных договорах РФ», чч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Вестник Конституционного Суда РФ 2015. № 6.

тернативу позитивистскому и нормативным вариантам понимания права в виде новых теорий неизбежно приводят их авторов к различению права и закона, известного с незапамятных времён. Однако сама логика жизни заставляет их принести свои концепции права на алтарь нормативной теории права и вновь обратиться к Его Величеству Закону. Особенно это заметно в контексте толкования права, а лучше всего сказать, закона.

Ещё раз вспомним Б. Кистяковского: «При всех подходах к праву приходится признать: оно либо состоит из норм, либо в нормах находит своё выражение» [4, с. 29–43].

Усложнение правового пространства России очевидно, и практически все учёные говорят о поиске оптимального соотношения между различными взглядами на право, т. е. о некоем комплексном подходе. Например, актуализируется вопрос «интегративного правопонимания». М. Залоило и О. Черкашина-Шмидт отмечают его сущность «в необходимой интеграции различных типов правопонимания (легистского, естественно-правового и др.) путём выявления общих точек соприкосновения, а не путём простого арифметического суммирования. В результате реализации такого подхода [...] становится достижимой цель выработки целостного и объективного понимания права» [2, с. 143–147].

Из рассуждений В. Зорькина понятно, что «нам нужна сейчас такая корректировка либерально-индивидуалистического подхода к правопониманию (доминирующего в сегодняшней мировой теории и практике),

которая привнесла бы в само понятие права идеи солидаризма»<sup>4</sup>.

На наш взгляд, солидаристский подход не даст кардинального решения проблем правовой поддержки реформ в российском социуме. С его помощью не сформируешь право как эффективный инструмент регулирования, способный обеспечить *ответственное поведение* всех основных субъектов российского социума, и, *в первую очередь, государства*. Солидаристский подход, если можно так выразиться, «размазывает» ответственность за происходящее. Например, из обоснований В. Зорькина не ясны механизмы усиления ответственного поведения государства и его представителей, без чего позитивный тренд российского социума не возможен в принципе. Более сильным и влиятельным (в данном случае – государству и его органам) позволяется *перекладывать бремя ответственности* на менее защищённых (личность, гражданское общество). Это возможно, поскольку они не обладают достойными инструментами выражения и защиты *своих особенных* интересов. В условиях «недостаточной выраженности», спровоцированной *солидарным поглощением*, эти интересы всегда будут страдать, «обслуживаясь» по остаточному принципу.

Одним из направлений укрепления конкурентной состязательности различных интересов (государства, личности, гражданского общества) и повышения уровня их защищённости является развитие административного правосудия, что способно воспрепят-

ствовать тенденциям «солидарного поглощения» интересов. Например, по мнению Ю. Старилова, это «означает [...] соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, законных интересов организаций и юридических лиц; [...] обоснование каждой меры и каждого административного акта, принимаемого публичной администрацией и её органами». Учёный считает, что «институт административного судопроизводства и судьи этих специализированных судов смогут полноценно искоренять коррупцию и «неэффективные» административные решения». В решениях административных судов «будет правая информация о том, как «нельзя» использовать лишь ради своих личных интересов административную власть». Неплохой набор инструментов для обеспечения эффективной реализации «негосударственных» интересов [9, с. 2–13].

По нашему мнению, «либерально-индивидуалистический подход к правопониманию (доминирующий в сегодняшней мировой теории и практике)» привлекает тем, что изначально нацелен на формирование достойных правовых инструментов выражения и защиты *индивидуальных* интересов. Появляется возможность активного внедрения *конкурентных* состязательных начал во взаимодействие различных интересов и их «согласие» на новых принципах, не позволяющих одним интересам (государственным) монополюльно подавлять другие (интересы личности, гражданского общества). В перспективе такая *совокупная масштабная заинтересованность* способна будет простимулировать наш «прорыв в светлое будущее».

<sup>4</sup> Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 9 октября 2018 года.

В индивидуалистско-либеральном типе взаимоотношений человека с государством обнаруживается потенциал достойных правовых инструментов выражения и защиты *своих особенных* интересов. По мнению Е. Титова, для этого типа «характерна [...] ограничительная функция гражданского общества и ограничение государством направления распространения гражданской воли» [11, с. 69–82].

Просматривается возможность «согласования» интересов *на не вполне привычных* для нашей позитивистской обыденности принципах, когда гражданское общество и государство «на равных» *взаимно ограничивают друг друга*, не позволяя одним интересам доминировать над другими. Такой подход настойчиво ставит вопрос *о гарантированных сферах ответственности* для государства, гражданского общества и личности, в которые никто другой вмешиваться не вправе. Укрепление и достойная легализация таких сфер даст мощный импульс движению социума, поскольку заинтересованность в нём основных субъектов (личность, гражданское общество) возрастёт кратно, ведь каждый из них будет *надёжно ограждён этими сферами* реализации и поддержки собственных интересов. Но вместе с тем предполагается *и вся полнота ответственности* за их состояние.

«Идеалы правовой демократии» *сложно применимы* в конкретно-исторических условиях России [1, с. 124]. В. Зорькин предлагает *откорректировать* наработанный мировой опыт правопонимания, и, вероятно, сформировать некое своё «адекватное», «суверенное» правопонимание.

Известно, что ориентация на такое «суверенное право» может таить в себе

и некоторые риски. Например, по мнению Мордовцева А. и Агафоновой Т., «оценивать отечественную юридическую мысль только лишь в качестве простого отражения (копирования) государственно-тоталитарной реальности и связывать её исключительно с заказным оправданием или пустым созерцанием последней – значит выхлещивать суть вопроса, отказываться от довольно богатого и самобытного теоретического наследия отечественной правовой мысли, искусственно её примитивизировать. С другой стороны, весьма опасно упрямо подчёркивать чуть ли не мессианский характер российских правовых и политических доктрин, абсолютную «положительность их оригинальности» (особенно в контексте вечного поиска так называемого *особого пути России*), призывая, по сути, к фольклоризации юридической науки и практики...» [8, с. 17–22].

Отмечая правовую теорию, синтезирующую идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности, В. Зорькин высказывает мнение, что «такой подход к правопониманию в наибольшей степени соответствует ментальности российского народа, его правовому и нравственному сознанию»<sup>5</sup>.

Может и соответствует, но это ли требуется? Учёный отмечает правовой нигилизм российского народа, вспоминая Россию, как страну, где «очень слабая правовая культура, где отсутствует глубоко укоренённая правовая научная школа и не развита правовая мысль, где массовое уважение к закону не есть важнейшая черта нацио-

<sup>5</sup> Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 9 октября 2018 года.

нального менталитета, где отсутствует развитое массовое правосознание и общество в целом, и даже почти вся интеллигенция равнодушны к проблемам права» [3, с. 59]. Такое «соответствие» очень удивляет. По нашему мнению, право *не должно соответствовать* ментальности российского народа, его правовому и нравственно-му сознанию. Оно *должно оставаться правом, быть заметным* именно потому, что *оно иное*, отличающееся. Только в таком качестве право и сможет стать эффективным *инструментом преобразования* нашей «трудной» действительности, реальным помощником на пути развития социума.

Конечно, можно приветствовать «идушую от раннего христианства идею ответственности каждого не только за себя, но и за других»<sup>6</sup>, которую надлежит внедрить в «наше право». Но, на фоне вопиющей безответственности и произвольности действий отдельных представителей административно-управленческого ресурса, откровенного цинизма некоторых из правящей элиты, становящихся всё более очевидными и даже дерзкими, призывать граждан к этой раннехристианской идее покажется несколько странным.

В. Зорькин демонстрирует «стремление согласовать в рамках понятия права разум и дух, свободу и милосердие, право и правду, индивидуальное и социальное начала». Он надеется, что «эти достижения русской философии права будут востребованы нашей юридической теорией и практикой. Это позволит нам освободиться от ошибочных представлений о солидаризме как об идеологии авторитарного типа,

и на новом уровне возродить в России солидаристское мировоззрение, которое всё ещё остаётся погребённым под обломками социализма»<sup>7</sup>.

Нам кажется, что это очередная попытка «впихнуть» в право всё, что «придёт на ум» и тем самым окончательно его похоронить. Такая «адекватность» конкретно-историческим условиям России просто нейтрализует (уничтожит) право, неминуемо сделав его «согласным» с этими условиями и не способным изменять их. Категория права лишь страдает и станет совершенно не эффективной, не работоспособной. *Неповоротливая громоздкость* права, набитого обозначенной выше начинкой, фактически лишит его качеств результативного инструмента регламентации. Отягощённость права стремлением *согласовать в рамках его понятия* разум и дух, свободу и милосердие, право и правду, индивидуальное и социальное начала и т. д., и т. п. воспрепятствует работе права как эффективного регулятора. Право «расщепится» по другим категориям (политика, мораль, нравственность и проч.), устранив как таковое, как *особенное и заметное явление*. Регулятивные свойства права способны эффективно проявить себя лишь тогда, когда *оно заметно, когда оно отличается от других явлений*, в отношении которых задействуются его регулирующие возможности, в определённой мере *противостоят им, конкурируют с ними*.

Надо помнить, что сфера действия права ограничена и ему *не рекомендуется вторгаться в другие*, отличные от него сферы жизнедеятельности обще-

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 9 октября 2018 года.

ства (политическая, экономическая, морально-нравственная), построенные на несколько иных принципах, подходах, скрепах. Эти сферы относительно свободны, самодостаточны и именно *присущими им инструментами* способны успешно реализовывать важные социальные функции по интеграции общественного организма.

В. Зорькин вынужден маневрировать между такими российскими явлениями, как «социальная поляризация, порождающая всё более массовое и болезненное ощущение несправедливого неравенства возможностей» и «пусть не единоедушное, но явно преобладающее общественное согласие»<sup>8</sup>, пытаясь придать «диалектическую правдоподобность» своему повествованию. Однако концептуально-связно объяснить их как *позитивно работающее единство противоположностей* так и не может. Проблема учёного в том, что он постоянно уходит в «согласие», в «коллективизм», в «солидаризм», игнорируя ресурс «борьбы противоположностей». К сожалению, Зорькин не выдвигает никаких убедительных предложений по позитивному для перспектив развития социума *правовому оформлению* (= легализации) ресурса этой «борьбы» как *эффективного двигателя прогресса*.

Как с «проблемой роста социальной поляризации» совместить солидаризм права? Можно предположить, что учёный, увлекаясь солидаризмом, пытается доказать его *позитивные возможности* для решения этой проблемы. Какими *новыми инструментами* солидаризм, имплементированный в право, обогащает его, расширяет регулятивные возможности в направлении снижения поляризации и *ощущения несправедливости*?<sup>9</sup> Объяснения этого у В. Зорькина не найти. Возможно, внешне «снизится накал страстей», но не путём *эффективного разрешения противоречий* через «борьбу противоположностей» с реальным удовлетворением *специфических интересов* сторон конфликта и повышению внимания к ним. Солидаристская идея *ответственности каждого не только за себя, но и за других* способна придать этим противоречиям и интересам формы, в которых они становятся «незаметными». Носители же этих интересов фактически утрачивают возможность «заметно» протестовать против нарушения их прав и свобод, игнорирования их интересов.

Статья поступила  
в редакцию 07.03.2019 г.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев С. В. Идеалы правовой демократии и социальная реальность России: к вопросу соотношения // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика, право и управление. 2016. № 3. С. 122–129.
2. Залоило М. В., Черкашина-Шмидт О. В. Интегративное правопонимание: новый подход // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 143–147.
3. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М.: Норма, Инфра-М, 2015. 320 с..
4. Корнев А. В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 29–43.

<sup>8</sup> Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 9 октября 2018 года.

<sup>9</sup> Там же.

5. Крусс В. И. Конституционное правопонимание и практико-ориентирующая состоятельность современной теории права // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 7–14.
6. Ливеровский А. А. О правопонимании в конституционной юстиции // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 7–9.
7. Лубский А. В. Государственность как матрица российской цивилизации [электронный ресурс] // Гуманитарный ежегодник. 2005. № 4. URL: <https://refdb.ru/look/1655569-pall.html> (дата обращения: 05.05.2019).
8. Мордовцев А. Ю., Агафонова Т. П., Правовой менталитет и особенности правопонимания в русском социокультурном пространстве // История государства и права. 2015. № 17. С. 17–22.
9. Стариков Ю. Н. Реализация конституционных гарантий и модернизация административно-правового регулирования // Административное право и процесс. 2013. № 6. С. 2–13.
10. Тимофеев Е. В. Конституционный суд РФ vs ЕСПЧ: в чём, собственно, проблема? [электронный ресурс] // Zakon.ru URL: [https://zakon.ru/blog/2016/01/11/konstitucionnyj\\_sud\\_rf\\_vs\\_espch\\_v\\_chyom\\_sobstvenno\\_problema#comment\\_259866](https://zakon.ru/blog/2016/01/11/konstitucionnyj_sud_rf_vs_espch_v_chyom_sobstvenno_problema#comment_259866) (дата обращения: 05.05.2019).
11. Титова Е. В. К вопросу о конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и человека // Lex Russica. 2018. № 11. С. 69–82.

#### REFERENCES

1. Vasilyev S. V. [Legal ideals of democracy and social reality of Russia: to the question of relationship]. In: *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika, pravo i upravlenie* [Bulletin of Pskov State University. Series: Economics, Law and Management.], 2016, no. 3, pp. 122–129.
2. Zaloilo M. V., Cherkashina-Shmidt O. V. [Integrative law: a new approach]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2014, no. 4, pp. 143–147.
3. Zorkin V. D. *Tsivilizatsiya prava i razvitie Rossii* [Civilization of Law and the Development of Russia]. Moscow, *Norma, Infra-M* Publ., 2015. 320 p.
4. Kornev A. V. [Interpretation of law in the context of different types of legal understanding]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 8, pp. 29–43.
5. Kruss V. I. [The constitutional understanding of law and practice-orienting viability of the modern theory of law]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2018, no. 11, pp. 7–14.
6. Liverovsky A. A. [On the understanding of law in constitutional justice]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2015, no. 6, pp. 7–9.
7. Lubsy A. V. [Statehood as a matrix of Russian civilization. In: *Gumanitarnyi ezhegodnik* [Humanitarian Yearbook], 2005, no. 4. Available at: <https://refdb.ru/look/1655569-pall.html> (accessed: 05.05.2019).
8. Mordovtsev A. Y., Agafonova T. P. [Legal mentality and peculiarities of legal consciousness in Russian socio-cultural space]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2015, no. 17, pp. 17–22.
9. Starilov Y. N. [The implementation of constitutional guarantees and modernization of administrative-legal regulation]. In: *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], 2013, no. 6, pp. 2–13.

10. Timofeev E. V. [Constitutional court of the Russian Federation vs ECHR: what is the problem?]. In: *Zakon.ru*. Available at: [https://zakon.ru/blog/2016/01/11/konstitucionnyj\\_sud\\_rf\\_vs\\_espch\\_v\\_chyom\\_sobstvenno\\_problema#comment\\_259866](https://zakon.ru/blog/2016/01/11/konstitucionnyj_sud_rf_vs_espch_v_chyom_sobstvenno_problema#comment_259866) (accessed: 05.05.2019).
11. Titova E. V. [To the issue of the legal concept of interaction between state and individual]. In: *Lex Russica*, 2018, no. 11, pp. 69–82.

---

### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

*Васильев Сергей Владимирович* – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета Псковского государственного университета;  
e-mail: profi.60@mail.ru

### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

*Sergey V. Vasilyev* – Doctor of Law, professor, head of the Department of Constitutional and Administrative Law at the Faculty of Law, Pskov State University;  
e-mail: profi.60@mail.ru

---

### ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Васильев С. В. К вопросу о понимании права в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 89–99.  
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-89-99

### FOR CITATION

Vasilev S. V. Towards Law Understanding in Modern Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp. 89–99.  
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-89-99